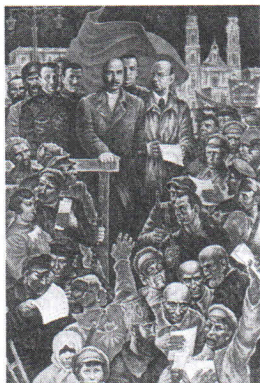

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ
Інстытут гісторыі

ГІСТАРЫЧНЫ ЛЁС БЕЛАРУСКАЙ САВЕЦКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

(да 100-годдзя абвяшчэння
Сацыялістычнай Савецкай
Рэспублікі Беларусі)

Зборнік артыкулаў

Мінск
«Беларуская навука»
2021

УДК 321.01(476)(082)

ББК 63.3(476)

Г51

Рэдакцыйная калегія:

А. А. Каваленя (старшыня), В. В. Даніловіч, В. Л. Лакіза, А. П. Салаўянаў,
С. А. Трацяк, В. Г. Мазец, А. А. Капліеў

Рэцэнзенты:

доктар гістарычных навук У. В. Тугай,
кандыдат гістарычных навук С. Ф. Шымуковіч

Выданне падрыхтавана ў рамках выканання Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Эканаміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя) падпраграмы № 1 «Гісторыя і культура» (навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт В. В. Даніловіч), задання 1.3.03 «Беларусь у гістарычным працэсе: сацыяльна-эканамічныя трансфармацыі і грамадская-культурныя змены (канец XVIII – пачатак XXI ст.)» (навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт М. У. Смяховіч)

Гістарычны лёс беларускай савецкай дзяржаўнасці (да 100-годдзя аб-
Г51 в'яшчэння Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі) : зб. артыкулаў /
рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. –
Мінск : Беларуская навука, 2021. – 374 с.

ISBN 978-985-08-2784-5.

У артыкулах зборніка аналізуюцца розныя аспекты рэвалюцыйных падзей 1917–1925 гг. і станаўлення беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці на савецкай аснове, дыскусійныя пытанні гісторыі Савецкай Беларусі ў 1919–1991 гг. Большая частка матэрыялаў ўводзіцца ў навуковы ўжытак упершыню.

Выданне разлічана на гісторыкаў-даследчыкаў, выкладчыкаў, студэнтаў і ўсіх, хто цікавіцца гісторыяй Беларусі.

УДК 321.01(476)(082)

ББК 63.3(476)

ISBN 978-985-08-2784-5

© Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2021

© Афармленне. РУП «Выдавецкі дом
«Беларуская навука», 2021

ЗМЕСТ

АД РЭДКАЛЕГП	6
Прывітальнае слова Старшыні Прэзідыума Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі акадэміка У. Р. Гусакова ўдзельнікам Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гістарычныя лёсы беларускай савецкай дзяржаўнасці (да 100-годдзя ўтварэння Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі)»	8
Раздзел I. ГІСТОРЫЯ БССР У ДАКУМЕНТАЛЬНЫХ КРЫНІЦАХ І ГІСТАРЫЯ-ГРАФІІ	11
<i>Кураш В. И. (Мінск). Документы по истории образования Белорусской Советской Социалистической Республики в государственных архивах Республики Беларусь</i>	11
<i>Тарасенкова Т. И. (Смоленск, Российская Федерация). Становление белорусской советской государственности в воспоминаниях участников событий (по материалам Государственного архива новейшей истории Смоленской области)</i>	16
<i>Приходько С. А. (Новозыбков, Российская Федерация). Деятельность Новозыбковской организации РСДРП(б) в 1917 году (по воспоминаниям П. Ф. Вашукевича)</i>	22
<i>Бондарь Л. Д. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Унучек А. В. (Мінск). Академик Евфимий Федорович Карский (1860–1931) в Минске в 1918–1920 гг.</i>	29
<i>Шишкина К. Г. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Поникаровская М. В. (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Академик Е. Ф. Карский в комиссии по организации Белорусского университета (по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН)</i>	35
<i>Неустроев Д. В. (Екатеринбург, Российская Федерация). Б. Н. Ельцин и Беларусь: по материалам личного архива Б. Н. Ельцина (1985–2007 гг.)</i>	39
<i>Ермашкевич Р. И. (Мінск), Ермашкевич В. Р. (Мінск). Пытанні нацыянальна-дзяржаўнага адраджэння і будаўніцтва ў творчай спадчыне Янкі Купалы</i>	48
<i>Агеенко Т. Н. (Мінск). Развитие белорусского истпарта в 1921 – первой половине 1924 г.</i>	53
<i>Елісееў А. Б. (Мінск). Жылуновіч vs Кнорын: два погляды на ўтварэнне БССР</i>	58
<i>Шаўчук І. І. (Брэст), Карзенка Г. У. (Мінск). Беларуская гістарыяграфія аб навукова-кадравай сітуацыі ў БССР міжваеннага перыяду</i>	64
<i>Савіч А. А. (Брэст). Айчынная гістарыяграфія 1920–1930-х гадоў аб палітыцы Польшчы і становішчы ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг.</i>	68
<i>Стрелец М. В. (Брэст). Дмитрий Федорович Жилунович: штрихи к портрету</i>	75
<i>Грузицкий Ю. Л. (Мінск). Первый нарком финансов Советской Беларуси</i>	79
<i>Ершова О. И. (Мінск). Александр Григорьевич Червяков – первый народный комиссар просвещения Беларуси</i>	85
<i>Глеб М. В. (Мінск). Первый вице-президент Белорусской Академии наук Томаш Домбаль</i>	91
	3

4. Исхаков, С. М. Научный совет РАН по истории российских революций / С. М. Исхаков // Вопросы истории. – 2007. – № 12. – С. 146–159.
5. Смирнов, В. А. Очерки истории Брянской организации КПСС / В. А. Смирнов. – Тула : Приокское книж. изд-во, 1968. – 436 с.
6. Якубовская, Е. В. Февральская революция 1917 г. в оценке советской и русской зарубежной историографии 1920–1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Якубовская. – М. : РУДН, 2011. – 32 с.
7. Яненко, И. Е. Февральские дни / И. Е. Яненко // Брянский краевед. – Брянск : Брянский обл. краевед. музей, 1971. – Вып. IV. – С. 100–109.
8. Chromov, S. S. Historiography on the Great October Socialist Revolution / S. S. Chromov // Rapports: Comite International des Sciences Historiques. Stuttgart du 25 aout au 1 septembre 1985. – Stuttgart, 1985. – Т. II. – Р. 843–847.

Л. Д. БОНДАРЬ

(Санкт-Петербург, Российская Федерация),

А. В. УНУЧЕК

(Минск)

**АКАДЕМИК ЕВФИМИЙ ФЕДОРОВИЧ КАРСКИЙ (1860–1931)
В МИНСКЕ В 1918–1920 гг.¹**

Весной 1918 г. Е. Ф. Карский инициировал смелое для того времени предприятие. 11 апреля 1918 г. академик направил в Отделение русского языка и словесности Российской академии наук обращение: «Честь имею просить отделение исходатайствовать мне заграничную командировку с 15 мая по 1 сентября для занятий в библиотеках Варшавы, Киева и Нежина» [1, л. 20]. С этими местами была тесно связана научная биография будущего академика: в Нежине он получил высшее образование в Историко-филологическом институте (1881–1885 гг.), в Киеве защитил диссертацию (1893 г.), в Варшавском университете прошел путь от преподавателя до ректора (1893–1916 гг.), отправился с этим учебным заведением в эвакуацию в Ростов и оставил его лишь после избрания в действительные члены АН в 1916 г.

Работа в библиотеках – это был официальный повод для командировки, планировавшейся в немецкие в то время земли. Истинную же причину желания отправиться в путешествие мы узнаем из одного примечательного документа, хранящегося в личном фонде академика Е.Ф. Карского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН).

Названный документ – это некий краткий дневник, содержащий сведения, которые самим автором были охарактеризованы как материалы для отчета о командировке. Записи были сделаны в небольшой тетрадке – своего рода ежедневнике, выдававшемся членам АН на год – «Записная книжка Российской

¹ Статья подготовлена при совместной поддержке ОГОН РФФИ, грант № 17-21-01014 и БРФФИ № Г17Р-053.

академии наук. Расписание заседаний. 1919» [2]. В этой книжке был табель-календарь на 1919 г. (по старому и по новому стилю), расписание заседаний Общего собрания и отделений, список действительных членов (по старшинству избрания) – всего 45 человек. Далее шли страницы наподобие ежедневника. Именно на этих страницах и делал свои записи Е. Ф. Карский.

Первая страница дневника раскрывает истинные причины, побудившие ученого ходатайствовать о командировке: «Весной 1918 г. в Петрограде особенно сильно начал давать себя чувствовать голод. Хлеб стали отпускать по 1/4 ф[унта], затем по 1/8 [фунта] на человека, а случались дни, что и таких отпусков не бывало. Картофеля тоже не было, и другие продукты стали постепенно исчезать. Лицу, живущему только на свое жалованье, решительно стало невозможным существовать. Мы с женой и дочкой сильно похудели: у меня убыло в весе 1 1/2 пуда; раз даже со мной приключился обморок на улице. Ясно было, что дольше оставаться в Петрограде невозможно. Подходило каникулярное время, которое можно было использовать и для научных целей, а также отчасти для личных интересов.

Ввиду такого положения дела у меня созрела мысль о[т]правиться в научную командировку для занятия в библиотеках Варшавы, Киева и Нежина. В последнем городе предполагалось прожить подольше, чтобы подкормиться» [2, л. 13об.–14].

Таким образом, Е. Ф. Карский решил вывезти семью из голодного Петрограда. Речь шла о его супруге – Софье Николаевне Карской и дочери – Наталье Евфимовне Карской. Эта поездка – один из многочисленных примеров двусторонней взаимовыручки и внимания в семье академика: как к нему со стороны домочадцев, так и к домочадцам – со стороны главы семейства¹.

ОРЯС, поддерживая ходатайство, уже на следующий день – 12 апреля – отправил свое обращение в Правление АН [5, л. 60], и вскоре на руках у Е. Ф. Карского было командировочное удостоверение, подтверждающее официальный статус его поездки с 28 (15) мая по 1 сентября (19 августа) с обращением «к правительственным, общественным и ученым учреждениям, а также и к должностным и частным лицам с покорнейшею просьбою не отказать Е. Ф. Карскому в просвещенном содействии как в пути следования, так и на местах при исполнении им возложенного на него академиею научного поручения» [6, л. 1]².

Преодолев целый ряд бюрократических препон, связанных с выездом на оккупированную территорию, семья академика получила разрешение на выезд и отправилась в путь. Вскоре Карские прибыли в Нежин – отправной пункт приятной, как планировалось изначально, каникулярной командировки, ко-

¹ Об атмосфере взаимопомощи в семье академика см. [3; 4].

² Следует отметить, что этот документ, наряду с другими официальными бумагами, оказали свою услугу при пересечении границы с Украиной: «Когда дошла очередь до нас, то, увидев командировочное академическое свидетельство, а также удостоверение от Комиссарната торговли и промышленности, где была просьба оказывать нам всякое содействие, наших вещей совершенно не трогали» [2, л. 16об.].

торая должна была сочетать отдых для семьи и научные занятия для самого Е. Ф. Карского. Здесь Карские «решили сделать первый продолжительный привал с целью обстоятельного кормления и составления плана выполнения задачи командировки» [2, л. 17об.].

Однако в Нежине события стали разворачиваться совершенно непредвиденным образом. «Живя в Нежине, – пишет Е. Ф. Карский в своей записной книжке, – из бесед с профессорами и особенно из газет я узнал, что предпринимаются шаги по открытию в г. Минске университета» [2, л. 19об.]. Это известие и явилось толчком, изменившим первоначальные планы и определившим жизнь семьи на следующие два года. Идея открытия белорусского университета горячо занимала академика и была высказана им еще на I Всебелорусском съезде в 1917 г. Узнав об образовании комиссии по открытию университета Е. Ф. Карский, конечно, не мог остаться в стороне от этого и отправился в Киев к М. В. Довнар-Запольскому, возглавлявшему тогда эту комиссию¹.

Прибыв в Киев для знакомства с членами комиссии, Е. Ф. Карский был тут же привлечен и к другой общественно-политической деятельности. Он пишет: «В Киеве в это время заседала мирная делегация, в состав которой от русских входили, между прочими, [Х. Г.] Раковский, [Д. З.] Мануильский и [В. П.] Белоголов. Т[ак] к[ак] украинцы захватили некоторые белорусские уезды (Речицкий, Гомельский, не говоря уже о черниговских белорусских уездах), то, будучи в Киеве, я счел своим долгом поговорить с членами комиссии и о возвращении этих уездов России. [Х. Г.] Раковский и [Д. З.] Мануильский были очень внимательны и обещали содействие. Впоследствии они выдали мне даже пропуск для проезда в Петроград за теплой одеждой для меня и семейства, а также для получения документа для продления командировки². В это же время прибыл из Минска в Киев делегация с А. Луцкевичем во главе для переговоров о товарообмене с Украиной («Белорусская торговая палата») и об установлении более прочной политической связи с Украиной. Пригласили и меня в качестве ученого эксперта по вопросу об этнографических границах Белоруссии. Я согласился быть членом делегации, но не участвовал в тех аудиенциях, которые предоставлялись делегации у украинских министров, а когда заметил в действительности делегации сепаратистические [sic!] тенденции, то и уехал из Киева в Нежин» [2, л. 20–20об.].

Однако белорусские коллеги настоятельно приглашали академика в Минск, обещая одновременно поддержку (которая впоследствии действительно была оказана) с получением разрешения на выезд в Варшаву, которого он никак не мог добиться. Совокупность факторов, решающим из которых для Е. Ф. Карского

¹ Ниже мы опустим информацию, касающуюся работы Е. Ф. Карского в этой комиссии. Материалы по этому вопросу, имеющиеся в СПбФ РАН, см. в публикации в настоящем сборнике Шинкина К. Г., Поникаровская М. В. «Академик Е. Ф. Карский в комиссии по организации Белорусского университета (по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН)».

² Ходатайство о продлении командировки было направлено Е. Ф. Карским в Академию наук 22 августа 1918 г. [1, л. 11–11об.].

обладавшего как фундаментальными знаниями, так и незаурядным научно-организационным дарованием, стала, без сомнения, возможность работы на поприще белорусского просвещения, определила принятие решения: «Ясно было, что в Украине дольше сидеть не следует, а нужно направляться в Минск, где, хотя жизнь и была дороже, но зато предстояло больше деятельности» [2, л. 21].

Итак, в начале октября 1918 г. семья Е. Ф. Карского оказалась в Минске. «...Я видел, – пишет академик, – что мое пребывание здесь должно получить затяжной характер. Поэтому нужно было, кроме изучения этнографических вопросов, изобрести себе какое-либо более прочное занятие. Немцы, видя, что они не могут справиться с вопросами народного просвещения, воспользовались моим присутствием, пригласили меня вместе с Ивановским В. Л. и Тарашкевичем Б. А. помочь им в этом деле, обещая со временем сделать меня главным руководителем просвещения в крае. Для этого они образовали так называемое Landschulkuratorium – областное учебное попечительство в пределах X армии. Мне было поручено заведование гимназиями, Ивановскому – техническими и специальными училищами, Тарашкевичу – низшей школой. Каждому из нас полагалось содержание по 800 марок в месяц, кроме того была отпущена небольшая сумма на канцелярию. С этой целью был реквизирован для нас дом из двух квартир на [ул.] Веселой, [д.] 27. <...> Учреждение областного попечительства состоялось с 15 октября 1918 г.» [2, л. 21об.–22].

С 1 ноября началась планомерная работа попечительства, осуществившего последовательную инспекторскую работу по школам на оккупированных белорусских землях: о количестве учебных заведений, качестве преподавания в них. При немецком управлении никакие средства на содержание школ не отпускались, все обучение стало платным. Возникла и еще одна проблема, связанная с эвакуацией с оккупированных территорий русских учителей: было открыто множество школ с польским преподаванием. Кроме сбора сведений, попечительство сформулировало предложения по организации школьного образования: во избежание национальных распрей «предложено было на польском, еврейском языках открывать школы (если о том последует ходатайство) только для поляков, евреев; во всех остальных преподавание должно было вестись на государственном языке; причем, т[ак] к[ак] в католическом добавочном богослужении употреблялся польский язык, то дозволялось для желающих открывать и преподавание этого языка. Приняты были возможные меры для поддержания нуждающихся учебных заведений казенными средствами: утверждена смета вернувшегося в Минск Учительского института, открывшейся в Будславе Вилен[ской] г[убернии] Белор[усской] гимназии, а также Слуцкой Белорусской гимназии. Предполагалось открыть при Институте комиссию для производства испытаний на учительские звания, т[ак] к[ак] чувствовался большой недостаток в учителях» [2, л. 30–31].

Но вскоре началась эвакуация немцев из Минска, и работа попечительства остановилась. Перед уходом немцы привели все дела в порядок: «Сдав нам

небольшое количество дел по народному образованию и уплатив содержание еще и за декабрь, они и оставили Минск, а на их место водворилась советская власть. Наше Landschulkuratorium прекратило свое существование. Все дела были приведены в порядок, подшиты, и служащие отпущены. Архив хранился на [ул.] Веселой, [д.] 27...» [2, л. 31 об.–32].

После прихода советского правительства у Е. Ф. Карского появилась столь необходимая ему возможность выехать в Петроград, где он должен был по долгу действительного члена АН принять участие в Общем собрании академии и получить разрешение на продление командировки, что ему и удалось сделать¹.

Педагогическая работа Е. Ф. Карского при советском правительстве заключалась в начавшемся еще при немцах преподавании в Педагогическом институте². Но его активная общественная и педагогическая деятельность прекратилась внезапно и самым неожиданным образом. «22 апреля (на третий день Пасхи), – записано в дневнике, – в 8 часов пополудни ко мне на квартиру явились три агента милиции (?) [знак вопроса – авторский]: два кавказца и один местный в полном вооружении с ордером... <...> Произведен был самый тщательный обыск: забрали все письма ко мне, мои печатные книги, дела областного учебного попечительства и даже печатные академические протоколы. <...> Затем все бумаги (в том числе и чистую бумагу, листов 50) вместе со мной доставили на Преображенскую улицу в помещение коменданта» [2, л. 33 об.–34]³.

Дополнительные сведения о событии дает протокол Общего собрания от 3 мая 1919 г.: «Ввиду приближения к г. Минску польских легионов и союзных войск, такая моя деятельность, по-видимому, показалась подозрительной некоторой части минских коммунистов, и 22 апреля, по ордеру коменданта г. Минска, я был арестован с производством у меня обыска и просидел в Минской Чрезвычайке 20 часов. Так как никаких компрометирующих документов у меня не найдено (по крайней мере, об этом мне не заявлено до сих пор), то я был освобожден из-под ареста с обязательством, однако, не выезжать из г. Минска без разрешения следственной комиссии. На майское заседание Академии наук я отпущен только до 10 мая» [8, л. 53об.–54]. А далее в дневнике академик уточняет: «Ясно, что причиной всех моих злоключений была моя восточная ориентация в белорусском вопросе...» [2, л. 35об.].

Вернувшись, в соответствии с подпиской, в Минск Е. Ф. Карский испытал на себе последствия ареста: постепенно, но в короткий срок он был отстранен

¹ См. протокол Общего собрания АН от 16 (3) декабря 1918 г. [7, л. 122 об.–123]. Очевидно, в эту поездку он получил и ту самую записную книжку РАН, в которой стал составлять свой отчет о неожиданно затянувшейся командировке.

² Сначала академик, как он писал, читал курс по белорусскому языку и литературе [2, л. 31об.], после ухода немцев, при образовании института в высшее учебное заведение – по истории русского языка [2, л. 32 об.–33].

³ Важным является упоминание о том, что в ЧК попал архив учебного попечительства с богатыми инспекторскими сведениями, а также какая-то часть переписки Е. Ф. Карского. Судя по записям в дневнике, эти бумаги возвращены не были, что позволяет предположить о возможности их обнаружения сегодня в архиве КГБ.

и от педагогической, и от общественной деятельности, что, разумеется, вызвало справедливую досаду ученого. В записи от 20 июня 1919 г. читаем: «Ясно, что нет места для моей учебной и ученой деятельности у себя в Белоруссии. Необходимо вернуться в голодный Петроград, умеющий более ценить ученые силы» [2, л. 35об.].

Очевидно, академику казалось тогда, что он оказался в худшей из возможных ситуаций. Однако события скорого времени показали, что тяжелые времена были еще впереди. «8 августа, – пишет Е. Ф. Карский, – произошло занятие Минска польскими войсками, и мы, таким образом, стали отрезанными от остальной России, откуда я получал средства к жизни» [2, л. 36об.]. Для семьи начались тяжелые дни. Имевшиеся сбережения «в думенных деньгах» были быстро израсходованы, и семье приходилось экономить на быте: «Жизнь свою мы упростили до невозможного уже давно: я рубил дрова, носил воду, выносил помой, ходил на базар за провизией и вообще за покупками; жена готовила пищу, убирала квартиру, кое-что стирала; о посторонних услугах думать не приходилось» [2, л. 36об.].

Тогда Е. Ф. Карскому пришлось обратить свое внимание и на другой вид заработка: минские газеты охотно платили ученому за статьи, которые были посвящены различным сторонам белорусской жизни, литературы и пр. Оплата была построчная, и ученый называет две газеты, на которые он тогда работал: «Минский курьер», в котором платили по 50 копеек за строчку, и «Беларусь», где он получал по 30 копеек в связи с необходимостью перевода материала на белорусский язык [2, л. 37]¹. Оставались также подработки преподаванием в мужской гимназии, на учительских курсах, некоторые доходы от продажи своих книг [2, л. 37–39]. Педагогический институт, на который ученый возлагал частично свои надежды, при поляках не открылся в связи с прекращением его финансирования.

«Жду не дождусь, – пишет ученый, – когда можно будет уехать в Петроград» [2, л. 39].

И вот последние записи дневника: «9 июля. Всему бывает конец. Началась усиленная эвакуация поляков из Минска. Вывозили решительно все, даже чужую мебель из госпиталей. Вывозили и огромные интендантские запасы. Когда обнаружилось, что всего вывезти нельзя, стали продавать и даже раздавать даром продукты. Массы народа тащили мешки муки, хлеба и даже тест[а].

10 июля. Утром стали поджигать склады, военные сараи, хлебопекарни, казармы. Были попытки жечь даже частные дома, где жили солдаты; лишь за большие суммы домовладельцы откупались. С 10 на 11 [июля] начали входить в Минск русские войска. Что будет дальше, покажут события» [2, л. 39].

Это последнее, что мы узнаем из дневника о пребывании академика в Минске. В октябре 1920 г. семья была уже в Петрограде, где в очередной раз должна была приступить к устройству своего быта.

¹ В этой же самой записной книжке имеется страничка с подсчетами оплаченных газетных публикаций [2, л. 57об.–58].

1. СПбФ АРАН. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 1076.
2. СПбФ АРАН. – Ф. 292. Оп. 1. Д. 107.
3. Бондарь, Л. Д. Документы семьи академика Е. Ф. Карского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН / Л. Д. Бондарь // Гіст.-археал. зб. – Минск, 2016. – Вып. 31. – С. 18–25.
4. Бондарь, Л. Д. Муза ученого: супруга академика Е. Ф. Карского (1860–1931) Софья Николаевна Карская / Л. Д. Бондарь // Прогресс России. Женский аспект : сб. науч. статей и документов / отв. ред.-сост. И. А. Урмина, Н. М. Осипова. – М. : Архив РАН, 2018. – С. 188–200.
5. СПбФ АРАН. – Ф. 4. Оп. 4. Д. 1503.
6. СПбФ АРАН. – Ф. 292. Оп. 1. Д. 105.
7. СПбФ АРАН. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 240.
8. СПбФ АРАН. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 241.

К. Г. ШИШКИНА

(Санкт-Петербург, Российская Федерация),

М. В. ПОНИКАРОВСКАЯ

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ В КОМИССИИ
ПО ОРГАНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН)¹**

Деятельность Е. Ф. Карского в Комиссии по созданию Минского университета фактически началась летом 1918 г. с его поездки в Нежин, и главным источником сведений об этом является записная книжка ученого за 1918–1920 гг., хранящаяся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [1].

Весной 1918 г. Е. Ф. Карский отправился в научную командировку для занятий в библиотеках Варшавы, Киева и Нежина [2, л. 60]. Первым делом ученый посетил Нежин, где он с семьей прожил до начала октября [1, л. 19]. Во время пребывания в Нежине Е. Ф. Карский из бесед с профессорами, а также из газет узнал, что предпринимаются шаги по открытию университета в Минске. По этому предмету была образована Комиссия во главе с М. В. Довнар-Запольским [1, л. 19об.].

Е. Ф. Карский написал письмо М. В. Довнар-Запольскому в Киев, где тот жил, с предложением своих услуг в том или другом отношении по университетским вопросам. М. В. Довнар-Запольский немедленно ответил и пригласил Е. Ф. Карского побывать у него в Киеве и поговорить по этому предмету [1, л. 19об.].

В своей записной книжке Е. Ф. Карский пишет: «В Киев мне и без того приходилось ездить по вопросу о пропуске в Варшаву, да нужно было и некоторые справки наводить в рукописях Лаврской библиотеки, то я и воспользовался

¹ Работа выполнена при поддержке ОГОН РФФИ, грант № 17-21-01014.